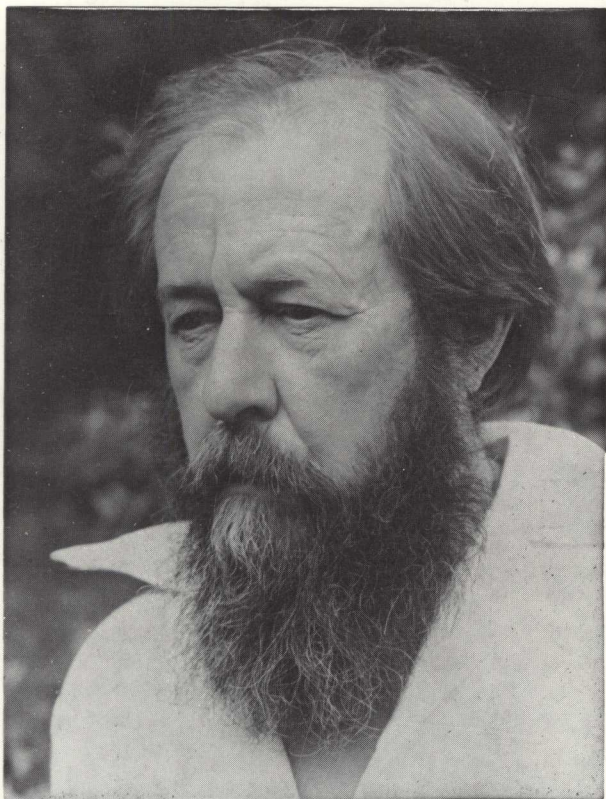

КОНТИНЕНТ18

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

К 60-летию со дня рождения

А. И. Солженицын

КОНТИНЕНТ

Литературный, общественно-политический
и религиозный журнал

18

Издательство «Континент»

1978

Специальное приложение

ИСАИЧУ...

Где, когда, при каких обстоятельствах впервые мы встретились, увидели друг друга — не припомню. Скорее всего всё у той же Аси Берзер, в большом, угловом, в четыре окна новомирском ее кабинете в тылах кинотеатра «Россия», а когда-то Страстного монастыря. К концу рабочего дня, часам к шести, все, тяготеющие к этому «самому либеральному», как он назывался тогда на Западе, журналу, стягивались в этот кабинет — кто по поводу своей рукописи, кто без всякого повода, узнать последние литературные новости, просто «потрепаться», а заодно, бывало, и пузырек раздавить в хорошей компании. Вот в такой пятичасовой — фэйф-о'клок — компании — кто в кресле, кто на углу стола, кто на подоконнике, кто подпирая задом радиатор — как правило, Войнович, Корнилов, Бен Сарнов, Лева Левицкий, Жора Владимов, Юра Домбровский, Эмма Коржавин, вероятно, и встретились впервые — «Знакомьтесь, тот самый Солженицын...» О-о-о-!

Но это было уже второе знакомство. Первое — «Иван Денисович»...

Сияющий, помолодевший, почти обезумевший от радости и счастья, переполненный до краев, явился вдруг к друзьям, у которых я в тот момент находился, сам Твардовский. В руках папка. «Такого вы еще не читали! Никогда! Ручаюсь, голову на отсечение!» И тут же приказ. Мне. «Одна нога здесь, другая — там. Ты все же капитан, а у меня два просвета. В «Гастроном»!»

Никогда, ни раньше, ни потом, не видел я таким Твардовского. Лет на двадцать помолодел. На месте усидеть не может. Из угла в угол. Глаза сияют. Весь сияет, точно лучи от него идут.

«Принес? Раз-два, посуду! За рождение нового писателя! Настоящего, большого! Такого еще не было! Родился наконец! Поехали!»

Он говорил, говорил, не мог остановиться... «Господи, если б вы знали, как я вам завидую. Вы еще не читали, у вас всё впереди... А я... Принес домой две рукописи — Анна Самойловна принесла мне их перед самым отходом, положила на стол. Про что? — спрашиваю. А вы почитайте, — загадочно отвечает, — эта вот про крестьянина. Знает же, хитрюга, мою слабость. Вот и начал с этой, про крестьянина, на сон грядущий, думаю, страничек двадцать полистаю... И с первой же побежал на кухню чайник ставить. Понял — не засну уже. Так и не заснул. Не дождусь утра, все на часы поглядываю, как алкоголик открытия магазина, жду... Поведать, поведать друзьям! А время ползет, ползет, а меня распирает, не дождусь... Капитан, что ж ты рот разинул? Разливай! За этого самого «Щ»!Щ-854!»

Никто из нас слова вставить не может. Дополнительный бег в «Гастроном».

«Печатать! Печатать! Никакой цели другой нет. Всё преодолеть, до самых верхов добраться, до Никиты... Доказать, убедить, к стенке припереть. Говорят, убили русскую литературу. Чёрта с два! Вот она, в этой папке с завязочками. А он? Кто он? Никто еще не видал. Телеграмму уже послали. Ждем... Обласкаем, поможем, пробьем!»

А нужно было знать Твардовского. Человека отнюдь не восторженного. Критика ему была куда ближе, чем похвала. И критика, как правило, резкая, жесткая, иной раз даже незаслуженная. А тут сплошной захлёб, сияние с головы до ног.

Потом читали мы, передавая из рук в руки листочки. И уже без Твардовского, говорили, говорили, перебивая друг друга, и тоже остановиться не могли. Я даже скрепку от рукописи похитил на память, как су-

венир от Ивана Денисовича, и очень потом огорчился, узнав, что скрепка эта не авторская, а новомирская...

В декабре шестьдесят второго года привез «Ивана Денисовича» в Париж. Свеженький, еще пахнувший типографской краской «Новый мир», одиннадцатый номер. И тут же, бросив в гостинице чемодан, помчался к Симоне де Бовуар передать его ей, как мне было велено в Москве. А на утро, чудеса из чудес, покупаю «Пари-Матч», а там уже под сенсационными заголовками, в окружении колючей проволоки, отрывки из «Ивана Денисовича». Вот это да, вот это оперативность! До сих пор ума не приложу, как это произошло...

И вот сейчас, через много-много, а точнее, шестнадцать, лет после покупки этого самого «Пари-Матча» (привез домой, бережно хранил, пока гебисты во время обыска не отобрали), я рад, что при помощи другого журнала, «Континента», я могу послать свой привет вермонтскому отшельнику, подобравшемуся уже к шестидесяти (а тогда было сорок с чем-то и никакой бороды), и вспоминаю (в который раз!) тот радостный день, когда Твардовский гонял меня в «Гастроном» и пили мы за рождение нового, большого, настоящего писателя. Это был один из самых счастливых дней моей жизни, не преувеличиваю. Не так часто приходится за такие рождения пить...

26 октября 1978 г.

Виктор Некрасов